

Когда Чжун Кайфань учился в университете, он репетировал с Сяо Шиюй по олимпиадной математике. Девочка очень его любила, к тому же была умной. Для него Шиюй была как младшая сестра.

Сяо Чжэн только обернулся и, увидев Чжун Кайфаня, слегка удивился:

— Кайфань, как ты оказался здесь?

— Просто по пути, — Чжун Кайфань кивнул Шиюй, собираясь погладить её по голове, но, вспомнив, что девочка уже выросла, убрал руку. — Забираешь ребенка с занятий?

Сяо Шиюй, опередив отца, ответила:

— Папа настоял, чтобы я пошла на уроки рисования. Это так выматывает, даже в воскресенье не дают отдохнуть.

— Мастерство лишним не бывает, — Сяо Чжэн произнес строго. Он явно был суровым отцом.

Чжун Кайфань тихо засмеялся, но обратился к Шиюй:

— Сегодня много домашки? Я тебя угощу ужином. Выбирай, что хочешь.

— Правда?!

Девочка чуть не подпрыгнула от радости, но, ухватившись за руку отца, с опаской посмотрела на него и тихо спросила:

— Можно?

Сяо Чжэн, хоть и с неохотой, согласился:

— Только один раз.

На этот раз Чжун Кайфань сам сел за руль, и вскоре они с отцом и дочерью скрылись за поворотом. Небо постепенно темнело, сквозь лобовое стекло виднелось темно-синее небо, в салоне ровно дул обогреватель, и воздух стал особенно тихим.

Возможно, благодаря Шиюй, атмосфера была очень оживленной.

— Папа, а что мы будем есть вечером?

Чжун Кайфань, глядя в зеркало заднего вида, открыл на телефоне рекомендации по ресторанам и протянул его девочке:

— Посмотри.

Но Шиюй покачала головой, достала из рюкзака iPad и с улыбкой ответила:

— Я воспользуюсь своим.

Сяо Чжэн, однако, сохранял серьезное выражение лица и неоднократно напоминал:

— На уроках меньше играй.

— Я знаю-знаю, — протянула девочка.

Её тонкие пальцы быстро скользили по экрану, и после долгого выбора Шиюй наконец решила:

— Поедим пекинскую утку?

— Ты уже взрослая, разве ты её не пробовала? — Сяо Чжэн терпеливо уговаривал. — Мама говорит, что ты в подростковом возрасте, меньше ешь жирного, чтобы не было прыщей.

Тон девочки сразу изменился, и на её лице появилось недовольство:

— Папа!

Чжун Кайфань вмешался, чтобы сгладить ситуацию:

— Один раз можно.

— Видишь! — Шиюй выдохнула. — Мне кажется, что всё, что я делаю, тебе не нравится.

Сяо Чжэн, который обычно легко справлялся с работой, на этот раз оказался в затруднении. Чжун Кайфань с трудом сдерживал смех:

— Брат Сяо, не будь слишком строгим.

Сяо Чжэн сдался.

Чжун Кайфань хорошо знал этот район и повел их в ресторан с лучшими отзывами. Официант провел их внутрь. Ресторан был просторным и светлым, мебель в старинном стиле, а в центре зала был установлен искусственный водопад, журчание которого добавляло зимнему вечеру немного звуков.

За ужином Чжун Кайфань очень уважал Шиюй, позволяя ей выбирать блюда и принимать решения. Сяо Чжэн, сидя рядом, чувствовал себя неловко, боясь, что дочь доставит Кайфаню неудобства. Однако к концу ужина он с удивлением обнаружил, что Кайфань и Шиюй отлично ладят.

Его дочь всегда была упрямой и капризной. Когда она злилась, она закрывала дверь своей комнаты и не пускала внутрь ни его, ни мать. Теперь, перед лицом экзаменов, он боялся сказать что-то лишнее, чтобы не травмировать ребенка.

Когда утка была почти съедена, официант спросил, нужно ли упаковать оставшиеся кости. Сяо Чжэн собирался отказаться.

Но Чжун Кайфань сказал:

— Нужно.

Медленно вытирая руки, он добавил:

— Из костей можно сварить суп, он тоже вкусный.

Шиюй, заметив Starbucks за окном, всегда полная новых идей, сказала:

— Брат Кайфань, я еще хочу выпить фраппучино.

— Зачем пить кофе так поздно? Кофеин мешает сну, — Сяо Чжэн снова не удержался.

Девочка с недовольным видом посмотрела на отца, чувствуя, что он её портит, и её щеки покраснели. Однако подростковый бунт взял верх:

— Брат Кайфань сказал, что сегодня он угощает.

Чжун Кайфань встал, приглашая её жестом:

— Пошли.

Оглянувшись на Сяо Чжэна, он добавил:

— Не волнуйся, я не буду её баловать.

Проходя мимо стойки, Чжун Кайфань расплатился, услышав, как Шиюй тихо сказала:

— Брат Кайфань, ты не заметил, что папа стал еще страшнее?

Чжун Кайфань наклонился к маленькой Шиюй, чувствуя, что она умна не по годам:

— Ты сегодня специально ему противоречила?

Они направились к Starbucks, Шиюй закуталась в шарф:

— Он всегда лезет во все мои дела, мне это надоело.

Чжун Кайфань вспомнил, что когда-то сам был таким: молчаливым и равнодушным к мнению окружающих. Это продолжалось до старшей школы, когда он постепенно стал спокойнее.

Всё, что делала Шиюй, было нормальным для подростка.

Жажда свободы, стремление к самореализации, желание идти против правил — казалось, только так можно было бросить вызов судьбе и дать выход жизненной энергии.

В итоге Шиюй заказала холодный чай с манго и гибискусом. Несмотря на холодную зиму, она пила его с удовольствием. Чжун Кайфань не мог не беспокоиться, что слишком много холодного вредно для здоровья девочки.

Шиюй, опершись на перила, с хвостиком и бледными щеками, сказала:

— Брат Кайфань, я сегодня действительно думала, что ошиблась.

Чжун Кайфань стоял рядом, держа в руках теплый американо, и спокойно ответил:

— Правда?

Девочка подняла на него глаза, в которых светились искры:

— Когда я была маленькой, мама говорила мне, что я должна стать таким же хорошим человеком, как ты. Я всегда старалась. Я училась в тех же школах, что и ты, играла на тех же инструментах, но куда ты пропал?

В конце её голос задрожал.

Чжун Кайфань почувствовал, как у него сжалось сердце. Пятнадцатилетняя девочка уже многое понимала, и он не знал, знает ли Шиюй о его делах.

— И брат Чжун Цань... — Шиюй не выдержала, присела на корточки, поставив холодный напиток на землю и сжавшись в комок. — Я часто чувствую себя, как животное в клетке, не зная, где моё будущее или кем я должна стать, потому что те, кому я верила, исчезли. Поэтому я всегда спорю с папой, специально злю маму, ведь именно они так меня учили, и теперь я потеряла направление.

В его сердце возникло тепло, смешанное с глубоким сожалением. Чжун Кайфань присел рядом, чувствуя, как глаза наполняются слезами:

— Шиюй, если я разочаровал тебя, я прошу прощения.

Сяо Шиюй подняла голову. Её лицо было бледным, тонкие пряди челки развевались на ветру, открывая чистый лоб. Её глаза были как драгоценные камни. В её возрасте она находилась на грани между детством и зрелостью, её взгляд был наполнен неопишуемой ясностью, но в то же время эта ясность была очень хрупкой и нуждалась в заботе.

Долгое время она молча смотрела на свои ноги:

— Я знаю о твоих делах.

Чжун Кайфань напрягся, не зная, как объяснить пятнадцатилетней девочке свою ориентацию.

— ...

Увидев его молчание, Сяо Шиюй, словно набравшись смелости, встретила с ним взглядом и тихо спросила:

— Я могу его увидеть?

— Нет, — Чжун Кайфань спокойно, но твердо отказал.

С тех пор, как она себя помнила, брат Кайфань никогда не отказывал ей. Услышав его решительный отказ, слезы Сяо Шиюй хлынули ручьем, словно яркий свет. Она повысила голос, с нотками каприза, всхлипывая:

— На пятнадцатилетие мама спросила, о чем я мечтаю, и я сказала, что хочу выйти замуж за такого человека, как ты...

Чжун Кайфань нахмурился, с трудом сдерживаясь:

— Ты просто ставишь меня в неловкое положение.

Сяо Шиюй, с покрасневшими глазами, полная печали, увидев его беспомощное выражение, вдруг рассмеялась:

— Думаешь, ты мне нужен? Зазнавайся!

Кайфань тоже засмеялся. Он был на тринадцать лет старше её, и она не была влюблена в него, просто с детства находилась под влиянием его жизненного пути, искренне желая стать хорошим человеком.

— Так когда я смогу его увидеть? — Сяо Шиюй наконец вернула себе уверенность и бодрость, свойственные её возрасту.

<http://bllate.org/book/16849/1550639>